

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 17

Бензоколонка 68

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Бензоколонка 68

«Автор»

2026

Карадениз М.

Бензоколонка 68 / М. Карадениз — «Автор», 2026

Она не боится одиночества. Она боится остановиться. Трасса М68, февральская метель. Алиса Гордеева — одна из немногих женщин-дальнобойщиц на этом маршруте. Её жизнь — это дорога, кабина и груз, который нужно доставить. Два года она бежит от прошлого, но прошлое настигает её на 68-м километре. Там, в снежной пелене, она находит заправку, которой нет ни на одной карте. Внутри — то, что заставляет её усомниться во всём, что она знала о своей жизни. Её имя уже есть в чужом списке. А те, кто попал в него раньше, уже мертвы. Теперь у неё только один вопрос: «Кто следующий?» «ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
Пролог	6
ЧАСТЬ 1. КРАСНАЯ ТОЧКА	9
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Г	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мурат Карадениз Бензоколонка 68

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

Пролог

Февральская метель залепляла стёкла. Геннадий Смирнов вылез из кабины, хлопнул дверью. Дыхание вырывалось белым паром, оседало инеем на усах. Дорога исчезла — только белая пелена и красные габаритные огни его фуры, мерцающие сквозь снег. Ветер бил в лицо, забирался под куртку, леденил руки. Смирнов поёжился, поднял воротник.

Он обошёл прицеп, проверил колёса. Левое заднее чуть спустило — накачивать на первой же заправке. Он пнул колесо носком сапога, прислушался. Шипения не было, просто медленный спуск. Старая резина, надо менять, но он всё откладывал.

Он выпрямился, оглянулся на фуру. «Скания» двадцать третьего года, синяя, с белой полосой, в пробеге уже под триста тысяч. Двадцать лет за рулём — он знал каждую царапину на кабине, каждый звук мотора, каждую яму на этой трассе. Трасса М68 — Екатеринбург — Пермь — Ижевск — Казань. Он проехал её больше тысячи раз. И сейчас, в два часа ночи, в метель, он знал, что до Чайковского ещё сорок километров. А до следующей заправки — все пятьдесят. Бензина в баках едва хватит, если подкачать колесо и ехать экономно, не дергать.

Он уже собирался лезть в кабину за насосом, когда увидел свет.

Там, за деревьями, в гуще чёрного леса, горел одинокий жёлтый огонь. Мерцал, пробивался сквозь метель, как сигнал с того берега. Смирнов замер, прищурился. Он знал эту трассу как свои пять пальцев. Здесь не должно было быть никакого света. Только лес, болото и старая дорога, заросшая за десятилетия. Он проезжал это место вчера, позавчера, год назад. Никакой заправки. Никакого жилья.

Он потянулся в кабину за фонариком. Включил — луч упёрся в белое месиво, в снежинки, которые падали, как мошкара, кружили, слепили. Он посмотрел на телефон — связи нет. Только «нет сети» в углу экрана. Он сжал телефон в ладони, убрал в карман.

Метель усиливалась. Через час дорогу может заметать совсем. Если не доедет до города — застрянет, замёрзнет. Он уже знал такое: пять лет назад у Воткинска простоял двенадцать часов, едва не окошел, пока трактор не вытащил.

Он посмотрел на свет в лесу ещё раз. Жёлтый. Тёплый. Ровный.

И пошёл.

Снег хрустел под ботинками, увязал по щиколотку. Смирнов пробирался между сосен, держа фонарик в вытянутой руке, но тот почти не давал света — только белое марево. Он шёл по следу, который оставлял за собой, а ветер заметал его за секунды.

Свет становился ближе — он выходил на поляну, где стояла старая бензоколонка.

Две колонки, ржавые, выцветшие, с потёками мазута на бетонном основании. Над входом — вывеска с облупившейся краской: «68». Цифры прогнулись, буквы почти стёрлись. Окошко светилось жёлтым. Стекло запотело, но внутри кто-то двигался — тень скользнула за стойкой.

Смирнов остановился в десяти метрах. Он не помнил этой заправки. Ни разу за двадцать лет. А он останавливался на каждом километре — пил чай в придорожных кафе, разговаривал с дальнобойщиками, заправлялся на всех станциях от Перми до Казани. Но этой — никогда. Будто она выросла из земли сегодня. Будто ждала его.

Он подошёл ближе, толкнул дверь. Та открылась с хриплым скрипом, петли заржавели.

Внутри было тепло и сухо. Пахло соляжкой, старым деревом и ещё чем-то сладковатым — то ли ванилью, то ли горелым сахаром. Стойка из тёмного дерева, на ней — тетрадь в чёрной обложке, потёртая, углы заматы. Лампочка под потолком гудела, качалась от сквозняка, отбрасывала длинные тени на стены.

За стойкой стоял человек.

В маске. Чёрная ткань закрывала лицо полностью, только глаза. Смирнов не увидел ничего — ни возраста, ни пола, ни эмоций. Человек стоял неподвижно, как восковая фигура, руки лежали на стойке.

— Бензин есть? — спросил Смирнов. Голос прозвучал хрипло. Горло пересохло.

Человек кивнул. Молча. Развернулся к колонке, взял шланг. Жесты были спокойными, размеренными. Смирнов уже хотел спросить, сколько стоит, как вдруг заметил на стене камеру. Маленькая, чёрная, с красным огоньком. В углу. Смотрела прямо на него.

— У меня фура на обочине, — сказал он. — Я сейчас подгоню.

Он развернулся к двери. И в этот момент услышал шаг сзади. Тихий. Быстрый. Беззвучный на деревянном полу — почти невесомый.

Удар пришёлся в затылок.

Вспышка. Белая. Потом тёмная. Мир перевернулся. Смирнов почувствовал, как колени подгибаются, как пол уходит из-под ног, как стойка уплывает куда-то вверх. Он упал лицом вниз, ударился скулой о дощатый настил, почувствовал вкус крови на губах. В ушах звенело, как после взрыва.

Человек взял его за ноги. И потащил.

Смирнов попытался закричать, но язык не слушался, из горла вырвался только хрип. Он слышал только скрип снега под сапогами человека, своё шумное дыхание и гул ветра за стенами. Холод ударил в лицо, когда его вытащили из заправки. Волокли по снегу, через поляну, к его фуре.

Он понял это, когда увидел габаритные огни. Свои огни. Своя фура. Машина, в которой он провёл последние три недели, его дом на колёсах, его кровать, его запах, его хлеб. Он узнал царяпину на крыле, след от ржавчины на двери, запах дизеля и горячего масла.

Человек открыл дверцу кабины. Затащил Смирнова внутрь, усадил за руль. Голова Смирнова безвольно откинулась, скула раскроилась о руль, кровь залила приборную панель. Он попытался поднять руку — не получилось. Пальцы не слушались. Он смотрел вперёд, на дорогу, которой не было видно из-за метели.

Человек вышел. Через секунду в кабину потянуло запахом бензина — резким, удушающим. Жидкость хлынула на сиденье, на пол, на куртку Смирнова. Он почувствовал, как намокает одежда, как холод сменяется жжением.

Человек стоял за стеклом. Смотрел на него. Глаза в маске — пустые, холодные.

Потом чиркнула зажигалка.

Пламя упало на сиденье. Смирнов успел увидеть, как огонь побежал по ткани, как задымилась его куртка, как пламя лизнуло руки. Он попытался закричать, но горло перехватило. Только хрип.

Мир стал оранжевым. Горячим. Звонящим.

Потом жгучим.

Он перестал чувствовать боль, когда пламя дошло до лица.

Человек в маске стоял в пяти метрах, глядя, как горит фура. Снег таял вокруг, пар поднимался к небу. Стекло кабины лопнуло, из щелей вырвался язык огня. Запах горелого пластика и солянки смешался с ветром. Фура горела ярко, освещая поляну, освещая лес, освещая лицо человека в маске.

Человек развернулся. Пошёл обратно к заправке.

Внутри было всё так же — тепло, сухо, лампочка гудит. Человек подошёл к стойке, открыл тетрадь. Перелистнул несколько страниц. На одной из них были имена. Столбик. Аккуратным почерком. Чёрными чернилами. Даты.

Человек взял ручку и вписал внизу:

«Смирнов Г.В. — 14.02.2026 — крест».

Провёл пальцем по строчкам, по аккуратным столбцам имён. Каждое — человек, которого нужно было убрать. Или спасти. Тетрадь была единственным свидетельством. Бумага — старый способ. Надёжный. Не перехватить по сети, не стереть одним нажатием. Только так — без цифровых следов. Он знал это. Он знал, зачем она здесь.

Потом посмотрел на самое дно страницы. Там уже было имя без даты:

«Гордеева А.С.»

Он обвёл его пальцем. Медленно. Задумчиво. Имя было вписано не его рукой. Другой почерк. Чуть наклонённый влево. Буква «А» с петлёй сверху. Мужской. Он знал, кто это. И он знал, что эта тетрадь — единственное, что связывает всех, кто должен исчезнуть. Всех, кто знал слишком много. Всех, кто мог разрушить сеть. Всех, кто уже мёртв — и тех, кому ещё предстояло умереть.

Он положил руку на страницу, прикрыл имя, словно пряча его. И закрыл тетрадь.

В этот момент камера видеонаблюдения в углу моргнула красным огоньком. Человек поднял голову. Посмотрел прямо в объектив. Маска скрывала лицо, но за стеклом, в мутном отражении, на секунду проступили черты. Женские. Тонкие брови, скулы, прищур глаз. Она усмехнулась одними глазами — и выключила камеру.

Метель выла за стенами. Фура догорала на обочине. Пламя лизало небо, дым смешивался со снегом. А заправка «68» стояла в темноте, скрытая снегом, как будто её никогда и не было. Только тетрадь на стойке с одним именем без креста и пустым местом рядом с ним.

ЧАСТЬ 1. КРАСНАЯ ТОЧКА

Глава 1

Будильник зазвенел в 3:55. Алиса открыла глаза, не глядя на экран, и нажала кнопку — на ощупь, привычным движением, отработанным за два года одиночества. В комнате было темно и холодно. Батареи в хрущёвке едва грели, за окном мороз висел в воздухе плотной серой пеленой, подсвеченной фонарём. Она лежала несколько секунд, глядя в потолок, на котором лопнула краска и образовался тёмный узор, похожий на карту. Она знала этот потолок наизусть — смотрела на него каждое утро уже два года, каждый раз думая, что надо бы позвонить в управляющую компанию, но так и не позвонила.

В квартире было тихо. Обычно она включала радио, чтобы заполнить пустоту, но сегодня не стала. Она села на кровати, свесила ноги на пол, поёжилась от холода. В углу комнаты висел портрет мужа в рамке — она сняла его со стены через полгода после похорон, но так и не убрала в шкаф. Просто перевесила в угол, чтобы не видеть каждое утро. Но всё равно видела — каждый раз, когда поднимала глаза. Его лицо, улыбку, тот самый взгляд, каким он смотрел на неё в последний рейс.

«Если я не вернусь, не ищи меня», — сказал он тогда. Она думала, это шутка. Евгений всегда шутил перед выездом, чтобы разрядить обстановку, чтобы она не волновалась. Но в тот раз он не улыбнулся. Она вспомнила это сейчас, сидя на краю кровати, и по спине пробежал холод. Тогда, два года назад, она не придавала значения. Просто обняла его, поцеловала в щёку, сказала: «Возвращайся». А он ушёл, хлопнул дверью, и она больше никогда его не видела.

Алиса встала, натянула старые джинсы, свитер с растянутым воротом, поверх — плотную флисовую куртку. Она не смотрела в зеркало, когда проходила мимо. Не хотела видеть свои глаза — красные от недосыпа, с тёмными кругами. Ей было тридцать четыре, но выглядела она на все сорок. Два года за рулём, бесконечные рейсы, бессонные ночи в кабине, холодный кофе и бутерброды на заправках — всё это оставляло следы. Она не красилась, не стриглась, не ходила в спортзал. У неё не было на это сил. И желания.

На кухне она заварила чай — крепкий, чёрный, с сахаром. Выпила стоя, глядя в окно. Двор был пуст, только снег, фонари и редкие следы шин на сугробах. Пермь спала. Она переехала сюда пять лет назад, когда вышла замуж за Евгения. Он был водителем, как и она. Они познакомились на базе в Екатеринбурге, где она только начинала работать — новенькая, зелёная, единственная женщина среди мужиков. А он уже был опытным, возил грузы по всей стране. Он подошёл к ней на заправке, когда она не могла завести фуру в мороз, и сказал: «Дай я, а то ручки отморозишь». Он был старше на шесть лет, смеялся громко, пах табаком и дизелем. Она влюбилась сразу. Через год они поженились, через два купили эту квартиру — крошечную, в панельной хрущёвке, но свою. Она уволилась с базы, чтобы сидеть дома. Думала, что так будет всегда. А через три года он не вернулся.

Она поставила кружку в раковину, взяла ключи и вышла. На лестничной клетке пахло сыростью и табаком. Сосед сверху, дядька с больным сердцем, курил на площадке, не выходя на улицу. Она спустилась по лестнице, вышла во двор, где мороз ударил в лицо, обжёг щёки. Она не любила это время — когда нечем занять руки и голову, когда мысли лезут сами собой, напоминая о том, что она старалась забыть.

Автобаза находилась на окраине Перми, у старого завода, который уже десять лет не работал. Туда можно было добраться только на маршрутке, и Алиса ездила с одной пересадкой, каждый раз слушая одни и те же песни в наушниках. Она приехала на базу в 4:15, когда на стоянке уже стояло несколько фур, заведённых, готовых к рейсу. Диспетчер, толстый мужчина

с вечно хмурым лицом, даже не поднял головы, когда она зашла в кабинет, просто кивнул на накладную. Алиса взяла документы, проверила груз — двадцать паллет с автозапчастями для «КамАЗа». Ящики были закреплены, упакованы в термоусадочную плёнку. Она обошла фуру, проверила колёса, уровень масла, антифриз. Всё было в порядке.

Её фура — белый MAN с красной полосой, бортовой номер Р-068 — стояла в углу стоянки. Она знала эту машину лучше, чем свою квартиру. Знала, как она ведёт себя на мокрой дороге, как реагирует на резкие повороты, как шумит двигатель на пятой передаче, как пахнет внутри — смесью дизеля, пластика и её собственного парфюма, который она не меняла уже три года. Это был её дом, её крепость, её единственное место, где она чувствовала себя спокойной. Она провела в этой кабине больше времени, чем в своей квартире, за последние два года. Спала в ней, ела в ней, плакала в ней, когда никто не видел. Но об этом никто не знал. Она не позволяла себе слёз с тех пор, как похоронила мужа. Цинковый гроб, закрытый, её не пустили смотреть. «ДТП, всё серьёзно». Она взяла урну, похоронила. А теперь он был просто фотографией в углу.

Она села за руль, включила зажигание. Мотор завёлся с пол-оборота, ровно загудел, стрелка температуры поползла вверх. Алиса подождала десять минут, пока двигатель прогреется, и вырулила со стоянки.

Выезд на трассу М68 был за десять километров от базы — через промзону, через железнодорожный переезд и бетонный мост над рекой. Она проехала всё это на автомате, не думая, не глядя по сторонам. Руки сами крутили руль, ноги сами переключали передачи. Она знала этот путь до каждого поворота. Трасса была пуста, только редкие фуры проносились в темноте. Навигатор показывал: до Ижевска 240 километров. Алиса включила радио и откинулась на спинку сиденья. Диктор говорил о погоде — мороз сохранится, метель начнётся к вечеру. Потом перешли к новостям.

«В ночь на 14 февраля на 68-м километре трассы М68 была обнаружена сгоревшая фура. Внутри кабины найдено тело водителя. Личность погибшего пока не установлена, но, по предварительным данным, это мужчина около пятидесяти лет. Причина пожара — возгорание в кабине, предположительно короткое замыкание».

Алиса протянула руку и выключила радио. Она не хотела слушать про сгоревшие фуры. Она не хотела слышать про смерть на дороге, про короткие замыкания, про тела в кабинах. Она видела это слишком много раз. Она сама чуть не сгорела два года назад, когда у неё заклинило тормоза на спуске и она влетела в отбойник. Тогда, после гибели мужа, она вернулась на трассу через три недели. Ей нужны были деньги. Ей нужно было чем-то занять голову. Она взяла первый же рейс, какой дали — запчасти в Екатеринбург. И врезалась на мокрой дороге, не справилась с управлением. Фура завалилась на бок, двигатель заклинило, из-под капота повалил дым. Она выбралась через разбитое стекло, ободрала руки до крови, но выжила. С тех пор она боялась огня.

Но 68-й километр. Она знала это место. Там ничего нет — только лес, болото и старая грунтовка, заросшая. Ни заправок, ни кафе, ни постов. Она проезжала мимо сотни раз. Она сбросила скорость, когда увидела указатель.

За километр до места она заметила следы на снегу. Шины. Свежие, чёткие. Они уходили с дороги влево, в лес, на грунтовку, которая вела к старому лесному массиву. Алиса сбросила скорость до тридцати. Она смотрела на следы — они были глубокие, тяжёлые. Фура. Большая машина. И она не просто съехала с дороги — её затащили.

Она затормозила на обочине. Сидела в кабине, глядя на следы. Сердце билось быстрее. Она понимала, что не должна была останавливаться. Но что-то заставляло её смотреть. На месте происшествия уже никого не было. Только чёрное пятно на асфальте и обгоревшие куски пластика. Снег вокруг был чёрным от сажи. Пахло гарью.

Алиса смотрела на это несколько секунд. Потом перевела взгляд в зеркало заднего вида.

Фары. Чёрный джип. Вдвухстах метрах позади. Она не видела его раньше. Но он был там. И шёл за ней ровно на той же дистанции. Она нажала на газ. Джип держался сзади. Она нажала до ста, до ста десяти. Джип шёл следом. Она свернула на заправку «Лукойл». Джип проехал мимо. Тёмные стёкла, без номеров. Она не увидела лица.

Она выключила двигатель. Руки дрожали. Она сидела в кабине несколько минут, глядя, как снег падает на стекло. Потом вышла, зашла в кафе при заправке. За стойкой сидела пожилая женщина, перебирала бумаги. Алиса взяла кофе, села у окна. На стойке лежала газета. Заголовок: «На трассе М68 за 20 лет пропало 18 дальнобойщиков». Она взяла газету, развернула. Статья была на третьей странице. На карте красными кружками отмечены места исчезновений — все в радиусе семи километров. И последнее имя в списке — Смирнов Геннадий Викторович, 14 февраля 2026 года.

Она читала статью, сжимая газету. В ней говорилось, что исчезновения начались ещё в 2006 году. Водители пропадали каждый год-два, всегда в одном и том же коридоре. Официальная версия — ДТП, падение в Каму, уход в запой. Но неофициально — среди дальнобойщиков ходили слухи о странной заправке, которая появлялась в метель и исчезала вместе с теми, кто туда заходил.

Алиса перечитала эту фразу трижды. Странная заправка. Она смотрела в окно. Метель ещё не началась, но ветер уже поднимал снег с полей. Она убрала газету в сумку, допила кофе, вышла из кафе. Подошла к фуре, открыла дверцу. И замерла.

На пассажирском сиденье лежал листок бумаги. Белый, сложенный пополам. Она не клала его туда. Она не открывала дверь, пока была в кафе. Она развернула листок. Внутри было написано чёрной ручкой, аккуратным почерком:

«Ты проехала мимо. Ты видела. Не ищи правду. Она убьёт тебя».

Алиса стояла в морозе, держала в руках эту записку, и смотрела на дорогу, где исчез чёрный джип. Она не знала, кто это написал. Но она знала одно — это не совпадение. Кто-то знал, что она будет здесь. Кто-то знал, что она остановится. Кто-то знал её имя.

Она села в фуру, завела двигатель. Выехала на трассу. В зеркале — пустота. Но она знала — это только начало.

Глава 2

Алиса сидела в кафе при заправке, сжимая в руках газету так, что бумага хрустела. Кофе остыл, она не заметила — слишком вцепилась в статью, перечитывая одни и те же строки по десять раз. Смирнов Геннадий Викторович — последний в списке, его имя было напечатано жирным шрифтом, как будто редактор хотел, чтобы никто не пропустил. Но до него было ещё семнадцать имён. Семнадцать фамилий, семнадцать дат, семнадцать крестиков в конце каждой строки.

Она вела пальцем по столбцу, читала каждое имя, каждый год, каждую короткую пометку: «Никитин И.П., 2006», «Козлов Д.А., 2008», «Морозов С.И., 2010», «Зуев М.А., 2012», «Попов А.Н., 2014», «Соколов В.В., 2016», «Фёдоров И.Е., 2018», «Григорьев Н.С., 2020», «Васильев П.К., 2022», «Кузнецов А.А., 2024» — и так далее, через каждые два года, как по расписанию. Все мужчины. Все дальнбойщики. Все в возрасте от сорока до шестидесяти лет. Все исчезли в радиусе семи километров — между 65-м и 72-м километром трассы М68.

Алиса поднесла газету ближе к свету, всматриваясь в мелкий шрифт, в сноски, в короткие абзацы под каждым именем. Официальная версия для каждого случая была одна и та же, словно писали под копирку, словно кто-то специально придумывал стандартные объяснения, чтобы скрыть что-то более страшное. «ДТП, предположительное падение в реку Кама», — читала она. «Предположительный уход в запой», — гласила следующая строка. «Предположительный побег от кредиторов». В двух случаях вообще было написано «пропал без вести, обстоятельства не установлены». Восемнадцать человек. За двадцать лет. И ни одно дело не было раскрыто.

Она смотрела на карту в статье — схематичный рисунок трассы с красными кружками, которые отмечали места исчезновений. Кружки висели на дороге, как капли крови на белой карте. Все они сгруппировались в одном коридоре, в одном лесном массиве. Там, где сегодня утром она проезжала мимо сгоревшей фуры. Там, где остались только чёрное пятно на асфальте и запах гари.

Алиса сглотнула, отложила газету, потянулась к сумке. Рука дрожала, когда она расстёгивала молнию. Она не знала, почему вдруг вспомнила об этом. Просто картинка всплыла в голове — как Евгений сидел на кухне, в их маленькой пермской квартире, за две недели до того, как уехал в последний рейс. Он сидел за столом, уставленным чашками и тарелками, и чертил что-то на старой карте. Она тогда зашла с чаем, спросила: «Что ты делаешь?» А он улыбнулся, быстро сложил карту и сунул в бардачок своей дорожной сумки. «Так, ничего, маршрут прокладываю», — сказал он. Она не придавала значения. Он всегда что-то чертил, всегда проверял дороги, всегда возился с бумагами перед выездом. Профессиональная привычка, думала она. Он был водителем с двадцатилетним стажем, знал каждую трассу на Урале, мог проложить маршрут без навигатора по памяти.

Но сейчас она вспомнила его глаза. В тот вечер он смотрел на неё не так, как обычно. В его взгляде было что-то тревожное, какая-то тень, которую она не заметила тогда, потому что привыкла доверять ему. Он всегда был уверенным, спокойным, знал, что делает. А тут — растерянность? Или страх? Она не знала. Она не спросила. Она просто подала ему чай и поцеловала в щёку.

Алиса достала из бардачка старую карту, сложенную вчетверо, потёртую на сгибах, с жёлтыми краями от времени. Она нашла её в вещах мужа через месяц после его гибели, когда разбирала шкаф. Он оставил после себя немного: старая куртка, пара книг, записная книжка с адресами и эта карта. Она хотела выбросить её вместе с остальным, но почему-то оставила. Просто сунула в бардачок и забыла на два года.

Теперь она развернула карту на столе. Трасса М68 — от Перми до Ижевска, через Чайковский, Воткинск, Елабугу, Нижнекамск. Она провела пальцем по изгибам дороги, по отметкам городов, по зелёным массивам лесов, которые на карте были изображены штриховкой. И на 68-м километре, ровно на том месте, где сегодня нашли сгоревшую фуру, была нарисована красная точка.

Маленькая. Круглая. Без подписи. Без даты. Без объяснений. Просто точка.

Алиса смотрела на неё, не дыша. Она видела эту карту сотни раз — складывала и разворачивала, когда искала нужный маршрут, когда сверялась с навигатором, когда просто сидела в кабине в ожидании выезда. И никогда не замечала эту точку. Или замечала, но не придавала значения? Она не помнила. Карта была старой, потёртой, красная краска выцвела и почти сливалась с коричневым фоном. Но сейчас, после газеты, после сгоревшего водителя, после записки, которая лежала у неё в сумке, она поняла — это не случайно. Евгений знал об этом месте. Он отметил его на карте. Зачем?

Она провела пальцем по точке, смахнула пыль. Краска была старая, потрескавшаяся, но не стёртая. Он нарисовал её не вчера и не год назад. Скорее всего, года три или четыре назад. Может, он тоже знал про ту заправку? Может, он тоже слышал слухи, которые ходили среди дальнобойщиков? Или он был там? Она вдруг осознала, что не знает, где он бывал, что видел, с кем говорил. Он никогда не рассказывал ей о своих рейсах. Никогда не делился тем, что видел на дороге. Она не спрашивала. Доверяла. А теперь сидела здесь, в придорожном кафе, с его картой, с его точкой на 68-м километре, и думала: он знал о пропавших водителях? Он знал, что там происходит? Может, поэтому он и не вернулся? Может, он тоже должен был исчезнуть, но вместо этого инсценировал свою смерть?

Она отогнала эту мысль, но она не уходила. Она засела в голове, как заноза. Она сжала карту в кулаке, чувствуя, как бумага мнётся, как края врезаются в кожу. В висках стучало. Она подняла глаза на окно кафе, но не видела дороги — только своё отражение, бледное, с тёмными кругами под глазами, с растрёпанными волосами, которые она уже месяц не стригла. Ей было тридцать четыре, но она чувствовала себя на пятьдесят. Усталость — это мягкое слово. Она просто была пустой внутри, как выжженная земля.

Она перевела взгляд на точку на карте, потом снова на газету, на список имён. Все они были дальнобойщиками. Все они исчезли на этом участке. И она тоже дальнобойщица. Она тоже ездит по этой трассе. Она тоже женщина, но в списке только мужчины. Пока только мужчины. Но её имя было в тетради. Та тетрадь, которую она видела на колонке в прологе. Там было написано: «Гордеева А.С.». Без креста. Но она была в списке. Смирнов был в списке — и он мёртв.

Она оторвала взгляд от карты и посмотрела в окно. Дорога была пуста. Метель ещё не началась, но ветер уже поднимал снежные вихри, гнал позёмку по асфальту, заносил следы шин. Она хотела уже встать, убрать карту в сумку, уехать — просто забыть, как забывала всё последние два года. Вернуться в свою фуру, нажать на газ, доехать до Ижевска, сдать груз, получить деньги, поехать обратно. Рутинная. Единственное, что она умела делать.

Но что-то мешало. Что-то держало её здесь, в этом кафе, с этой картой в руках. Она снова посмотрела на точку. И вдруг ей показалось, что она видит эту точку не впервые. Она видела её раньше, но в другом контексте. В какой-то другой карте. Или в фотографии. Или во сне. Она не могла вспомнить, но ощущение было — она уже сталкивалась с этим местом. С этим лесом. С этой дорогой.

И тогда она увидела джип.

Чёрный. С тёмными стёклами. Без номеров. Он стоял на противоположной стороне заправки, у самого леса, почти скрытый за сугробами. Не на стоянке, не у колонок, не у входа в кафе — просто стоял на обочине, с выключенными фарами, с заглушённым двигателем, словно

ждал. Алиса не видела, когда он подъехал. Минуту назад его не было. Теперь он был. Приехал бесшумно, как тень.

Она смотрела на джип, сжимая карту так, что ногти впивались в ладонь. Она не знала, кто там, за тёмными стёклами. Она не знала, чего он хочет. Но она чувствовала — это не случайность. Он ждал её. Или следил за ней. С того самого момента, как она выехала из Перми. Он был на трассе, когда она проезжала мимо сгоревшей фуры. Он был позади, когда она нажимала на газ. Он исчез, когда она заехала на заправку. И теперь он снова здесь.

Она медленно сложила карту, убрала в сумку. Захлопнула сумку. Встала. Она сделала это специально медленно, чтобы показать — она не боится. Она не смотрела на джип, когда проходила мимо стойки, когда расплачивалась за кофе, когда кивала женщине в фартуке. Она вышла из кафе и направилась к своей фуру.

Ветер ударил в лицо, холод проник под куртку, обжёт щёки. Она шла, глядя только вперёд, на свою фуру. Но боковым зрением видела — джип стоял на месте. Никто не вышел, не завёл двигатель, не открыл дверь. Просто стоял. Ждал.

Она подошла к капоту своей фуры и остановилась.

На снегу, на гладкой белой поверхности капота, чётко отпечатались следы. Пальцы. Ладони. Кто-то опирался на капот, стоял здесь, наклонившись, и смотрел на неё через стекло кафе. Она провела взглядом по отпечаткам — они были свежие, ещё не припорошены снегом, края чёткие, не размытые. Кто-то стоял здесь минуту назад. Или пять минут. Пока она сидела за столиком. Пока она читала газету. Пока она смотрела на карту мужа.

Она медленно подняла глаза на джип. В тёмном стекле, в самом верху, мелькнула тень. Чей-то силуэт. Кто-то смотрел на неё. Она чувствовала этот взгляд, как физическое давление, как чужую руку на плече. Она сжала ключи в руке так, что металл впился в ладонь. Она хотела что-то сказать, крикнуть, спросить, кто он и чего хочет, но голос пересох. Она просто стояла и смотрела.

Джип завёлся. Мотор загудел тихо, почти бесшумно. Машина развернулась, выехала на трассу и медленно покатила в сторону Перми. Алиса смотрела, как она удаляется, как её задние огни исчезают в белой пелене, как снег заметает следы шин. Она стояла на стоянке, одна, с отпечатками чужих пальцев на капоте своей фуры.

Она не знала, кто это был. Но она знала — он был здесь. Он следил за ней. И он дал ей знак. Как предупреждение. Как угрозу.

Она медленно подняла руку и провела пальцем по отпечатку. След был чёткий, отчётливый. Большая ладонь. Мужская. Она приложила свою ладонь вверх — она была меньше. Намного меньше. Кто-то крупный, сильный. Стоял здесь и смотрел на неё.

Она открыла дверцу, села в кабину. Руки дрожали, когда она вставляла ключ в зажигание. Она включила дворники, смахнула снег со стекла. Посмотрела на карту, которая лежала на пассажирском сиденье. Красная точка. 68-й километр. То же место, где сегодня нашли тело. То же место, которое отметил её муж.

Она завела двигатель и выехала на трассу. В зеркале заднего вида больше никого не было. Только снег, дорога и бесконечная белая пустота. Но она знала — он вернётся. И тогда ей придётся узнать, кто он и чего хочет.

Глава 3

Алиса стояла у капота, глядя на отпечатки пальцев, которые остались на снегу. Они были чёткими, свежими — чужой человек стоял здесь, пока она сидела в кафе, читала газету, смотрела на карту мужа. Он был в нескольких метрах от неё. Мог видеть её через стекло. Мог наблюдать за каждым её движением.

Она не знала, кто это был. Но она знала, что это не случайность.

Она достала телефон, сделала несколько снимков отпечатков — крупным планом, с разных ракурсов. Потом убрала телефон в карман, подошла к водительской двери, открыла её, залезла в кабину. Движения были быстрыми, отточенными — она научилась действовать на автомате. Но руки всё равно дрожали, и она заметила это, когда вставляла ключ в зажигание. Она сжала ладони в кулаки, подождала несколько секунд, пока дрожь утихнет. Потом повернула ключ.

Мотор завёлся с полуоборота, ровно загудел, прогревшись ещё с утра. Она включила дворники — снег снова начал падать, крупный, липкий, тяжелый. Он ложился на стекло толстым слоем, и дворники с трудом справлялись, скрипели по мёрзлой поверхности. Через стекло она видела чёрный джип, который всё ещё стоял на противоположной стороне заправки, у самого леса. Двигатель не работал, фары выключены. Но она знала — он ждал.

Она не стала медлить. Врубила первую передачу, нажала на газ. Фура выехала со стоянки, развернулась на трассу. В зеркало заднего вида она видела, как джип зажёт фары, как его двигатель загудел, как он сорвался с места и пошёл следом.

Алиса сжала руль. Ровно тот же сценарий, что и час назад. Он снова преследовал её. Она вспомнила, как два года назад, после гибели мужа, кто-то тоже следил за ней. Она тогда возвращалась с похорон, сидела в маршрутке, и заметила чёрную машину, которая шла за ней от самого кладбища до дома. Она тогда подумала — показалось. Она была в слезах, в трансе, не могла думать ясно. Но сейчас она поняла: это не показалось. Кто-то следил за ней тогда. И следит сейчас. Может, это одни и те же люди. Может, это связано с мужем. Может, он влез во что-то, о чём она не знала.

Дорога была пуста — ни одной встречной машины, ни одной фуры. Метель усилилась, снег летел горизонтально, залеплял стёкла, дворники едва справлялись. Видимость упала до ста метров, потом до пятидесяти. Алиса включила противотуманки, нажала на газ. Стрелка спидометра поползла вверх: 80, 90, 100.

Джип держался сзади на той же дистанции, не приближался, но и не отставал. Она прибавила до 110. Джип шёл следом. До 120 — не отстал.

Она вцепилась в руль, глядя на дорогу. Она не знала, кто он, чего хочет. Может, это просто случайность? Может, он тоже едет в ту же сторону? Но она чувствовала — нет. Он шёл за ней от самой Перми. Он ждал её на заправке. Он смотрел, как она читает газету, как рассматривает карту. Он знал, что она там. И он ждал, когда она выедет. Она вспомнила записку, которая лежала на пассажирском сиденье: «Не ищи правду. Она убьёт тебя». Может, это был он? Может, он сам написал это? Или кто-то другой? Она не знала. Но она чувствовала, что ответы скрываются там, за этой белой пеленой, в том месте, которое отметил муж.

Она включила поворотник и резко съехала на грунтовку, уходящую в лес. Дорога была узкой, заснеженной — сюда почти не заезжали. Фура качнулась, колёса пробуксовывали на снегу, но она не сбавляла скорость. Она хотела уйти от преследования, скрыться в лесу, проверить, будет ли джип следовать за ней. Она смотрела в зеркало, ожидая, что он свернёт за ней, но он проехал мимо. Не остановился, не свернул. Просто проехал по трассе, и его задние огни исчезли в белой пелене.

Алиса остановилась. Выключила фары. Сидела в кабине, смотрела на дорогу, где исчез джип. Тишина. Только ветер завывал за стёклами, бросал снег на стекло, и двигатель гудел на холостых. Она ждала минуту, другую. Никто не появился.

Она выдохнула. Медленно, долго. Откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза на несколько секунд. Потом открыла и посмотрела на карту мужа, которая лежала на пассажирском сиденье. Красная точка. 68-й километр. Она не доехала до него — съехала раньше. Но на карте от точки шла тонкая линия — грунтовка. Та самая, на которой она стояла сейчас.

Она взяла карту в руки, повертела её, всматриваясь в детали. Линия уходила от трассы вглубь леса, изгибалась, огибала овраг, проходила через болото. На карте она была едва заметна — не основная дорога, не просёлочек, просто какие-то пунктиры. Но она вела к точке. К той же точке, что отметил муж.

Она вспомнила, как он сидел на кухне в тот вечер. Она тогда зашла с чаем, поставила перед ним кружку, спросила: «Что ты делаешь?» А он улыбнулся, быстро сложил карту и сунул её в сумку. «Да так, маршрут прокладываю», — сказал он. И она поверила. Почему она поверила? Почему не спросила больше? Он был её мужем, она доверяла ему, но сейчас, глядя на эту карту, она понимала — он врал. Он знал что-то, чего не говорил ей. Он готовился к чему-то. Может, он знал, что не вернётся. Может, он оставил ей эту карту как ключ. Ключ к правде.

Она провела пальцем по линии, по изгибам, по точкам, которые были нанесены карандашом. Там были пометки — мелкие закорючки, буквы, которые она не могла разобрать. Может, это были координаты. Может, имена. Может, даты. Она не знала. Но она знала одно — она должна доехать до конца.

Она выдохнула, сложила карту и убрала в бардачок. Потом включила фары и медленно поехала по грунтовке. Дорога была тяжёлой — снег лежал глубоко, колёса буксовали, фура раскачивалась на ухабах. Она ехала на второй передаче, держа скорость двадцать-тридцать километров. Лес смыкался над головой, ветки сосен хлестали по крыше кабины, снег срывался с веток и падал на стекло. В зеркалах было пусто — джип не вернулся.

Она проехала два километра, три, четыре. Дорога извивалась, петляла между деревьями, обходила овраги. Местами она была почти засыпана — пришлось объезжать сугробы по целине, рискуя застрять. Но она ехала, глядя на карту, которая лежала на пассажирском сиденье. Она не знала, что найдёт в конце этого пути. Но она знала — должна увидеть. Должна понять, что знал её муж. Должна узнать, почему он исчез.

Через десять минут она увидела свет. Жёлтый, ровный, мерцающий в темноте. Он горел в лесу, впереди, на поляне, куда выходила грунтовка.

Алиса сбросила скорость, почти остановилась. Она смотрела на свет, на его отражение в снегу, на тени, которые он отбрасывал на деревья. Он был тёплым, как свет в окне дома, но в этом не было уюта. В этом было что-то другое — холодное, ждущее, чужое. Она вспомнила слова из газеты: «Странная заправка, которая появлялась в метель». И вот она была здесь. Она существовала. Она стояла перед ней в двадцати метрах, и свет горел в её окнах.

Она нажала на газ, медленно поехала вперёд, вырубивая на поляну. Свет становился ближе, ярче. И когда она выехала на открытое пространство, она увидела её.

Старая бензоколонка. Две колонки, ржавые, с облупившейся краской. Над входом — вывеска с цифрами «68». Окно светилось жёлтым, стекло запотело. На улице, на бетонном основании, лежал слой свежего снега, ни одного следа. Колонки были старыми, советскими, с круглыми циферблатами, стрелки которых давно не двигались. Вокруг — ни одной машины, ни одного человека. Только свет в окне и тени, которые двигались внутри.

Алиса остановилась в двадцати метрах от колонки. Двигатель работал на холостых. Она смотрела на заправку, чувствуя, как сердце бьётся быстрее. Она видела её впервые. И в то же время она уже знала её — по слухам, по газете, по карте мужа. Это была та самая заправка,

о которой шептались дальнобойщики. Та, что появлялась в метель и исчезала вместе с теми, кто туда заходил.

Она вспомнила список имён. Восемнадцать фамилий. Восемнадцать водителей. Все они исчезли в радиусе семи километров от этого места. Все они, возможно, видели этот свет. Все они, возможно, зашли внутрь. И никто из них не вышел.

Она смотрела на свет в окне, на тени, которые двигались внутри. Кто-то был там. Она не знала, кто это, но она должна была узнать.

Она выключила двигатель. Тишина ударила в уши. Только ветер и снег. Ни звука мотора, ни шума шин. Только завывание ветра и хруст снега под её ногами, когда она вышла из кабины.

Она медленно пошла к колонке. Снег хрустел под ногами, мороз обжигал кожу. Она держала руку в кармане — на ноже. Она не знала, что найдёт внутри, но она была готова к худшему. Она слышала, как стучит сердце, как кровь шумит в ушах, как ветер свистит в ушах. Она подошла к двери и заглянула в окно.

На стойке лежала тетрадь. Открытая. Чёрная обложка, потёртые углы. Рядом — ручка. И у входа стояла фигура.

Человек в капюшоне. Лицо скрыто тенью. Она не видела лица, не видела рук, не видела глаз. Только силуэт, неподвижный, ждущий. Фигура стояла у входа, прислонившись к косяку, и смотрела на неё.

Она не знала, кто это был. Старик с колонки. Или кто-то другой. Она не видела его лица, но чувствовала его взгляд — холодный, внимательный, изучающий. Он знал, что она придёт. Он ждал её.

Фигура смотрела на неё. И она смотрела на фигуру.

Глава 4

Алиса стояла у своей фуры, глядя на свет в окне колонки. Двигатель работал на холостых, из выхлопной трубы валил белый пар, смешиваясь со снегом. Она не выключила его — оставила работать, чтобы в случае чего быстро уехать. Дверь кабины осталась открытой, из салона лился тёплый жёлтый свет, выхватывая из темноты кусок заснеженной земли.

Она перевела взгляд на фигуру в капюшоне, которая стояла у входа, прислонившись к косяку. Человек не двигался. Не шевелился. Стоял как статуя, чёрный силуэт на фоне жёлтого окна. Она не видела его лица, не видела рук, только очертания плеч, головы, капюшон, надвинутый на глаза.

Холод резал лицо, ветер бросал в щёки снежные иглы. Алиса сжала руку в кармане куртки, пальцы обхватили рукоятку ножа. Она не знала, кто это, но если он сделает хоть одно резкое движение, она готова. Она научилась защищать себя за два года одиночества на трассе. Бывало всякое — и пьяные водители, и агрессивные попутчики, и просто отморозки, которые видели в ней женщину за рулём и думали, что она слабая. Она никому не позволяла думать так дважды.

Она сделала шаг вперёд. Снег хрустнул под ногами. Фигура не шелохнулась. Она сделала ещё шаг, потом ещё. Подошла к двери, остановилась в метре от человека. Её дыхание вырывалось белым паром, оседало на стекле.

Фигура подняла голову. Капюшон откинулся назад, и Алиса увидела лицо. Мужчина. Лет шестидесяти. Худой, почти прозрачный — кожа серая, щёки впалые, седая щетина покрывала подбородок и скулы. Глаза были светлыми, почти белыми, водянистыми, как у слепого. Но он смотрел на неё. Прямо в глаза.

Он не сказал ни слова. Просто смотрел.

Алиса выдохнула. Пар изо рта смешался с его дыханием. Она молча кивнула, толкнула дверь и вошла внутрь.

Запах ударил в нос сразу — солярка, старая пыль, сырое дерево и что-то сладковатое, приторное, как ваниль или горелый сахар. Она почувствовала его ещё на улице, но внутри он стал гуще, осязаемее, плотным слоем лежал на языке. Она поморщилась, но не остановилась.

Внутри было тепло и сухо. Лампочка под потолком гудела, качалась от сквозняка, отбрасывала длинные тени на дощатый пол. Стойка была тёмной, старой, потёртой — на ней лежала тетрадь в чёрной обложке. Открытая. Рядом — ручка.

Алиса подошла к стойке, остановилась. Она чувствовала, как мужчина смотрит ей в спину — он так и стоял у двери, не заходя внутрь, не закрывая дверь. Просто стоял и смотрел.

Она протянула руку к тетради, замерла на секунду. Потом открыла её.

Страницы были исписаны аккуратным почерком. Мелким, ровным, с чёткими буквами. Чёрные чернила, без помарок. Она читала, водя пальцем по строкам:

«Смирнов Геннадий Викторович — 14.02.2026 — крест»

«Зуев Михаил Александрович — 12.12.2023 — крест»

«Никитин Игорь Петрович — 08.05.2024 — крест»

«Попов Александр Николаевич — 22.09.2022 — крест»

И так далее. Столбик из восемнадцати имён. Она узнавала их — те же фамилии, что были в газете. Те же даты. Те же пометки. Крестики в конце каждой строки — как могильные кресты. Ровные, чёткие, без единого изгиба.

Она перевела взгляд вниз. И замерла.

В самом низу страницы, после всех имён, было написано: «Гордеева Алина Сергеевна — 2026». Без даты. Без креста.

Её имя.

Алиса смотрела на него, не дыша. Её имя, написанное чужим почерком, в тетради, которую она держала в руках, на заправке, которую она нашла по карте мужа. Она чувствовала, как холод поднимается от живота к груди, как сердце начинает биться быстрее, как воздух застревает в лёгких.

Она перевернула страницу. Последняя запись была на обороте. Одно имя. Одна фамилия.

«Гордеев Евгений Владимирович — 12.03.2024 — крест».

Два года назад. Ровно через три недели после того, как он уехал в свой последний рейс. Дата, когда он «разбился» на трассе М5. Она помнила этот день, помнила каждую минуту, каждую секунду. Звонок диспетчера: «Алиса Сергеевна, ваш муж попал в аварию». Приезд в морг. Цинковый гроб. Отказ смотреть на тело. Похороны. Она помнила холод на кладбище, когда опускали урну в землю, снег, который падал на её плечи, руки, которые дрожали, когда она держала цветы. Она помнила всё.

А теперь здесь, в этой тетради, стояло его имя. С крестом. Как и все остальные. Как у Смирнова. Как у Зуева. Как у всех, кто исчез на этой трассе.

Она смотрела на имя мужа, чувствуя, как внутри что-то обрывается. Евгений был в списке. Он был здесь. Он знал эту заправку. Он знал эту тетрадь. И он вписал туда своё имя? Или его кто-то вписал? Она не знала. Она не понимала.

Она сжала тетрадь в руках, поднесла ближе к свету. Почерк был ровным, аккуратным, чётким. Но она вдруг заметила — буква «Г» в имени Евгения отличалась от других записей. Наклон был чуть другим, нажим — чуть сильнее. Это был другой почерк. Кто-то другой вписал его имя. Или он сам, но позже, когда хотел скрыть что-то?

Алиса подняла голову, чтобы спросить у мужчины. Но его не было.

Она обернулась. Дверь была открыта. Внутри задувал ветер, снег лежал на пороге. Но фигура в капюшоне исчезла. Она моргнула, посмотрела на улицу — только метель, только лес, только её фура, стоящая в двадцати метрах с открытой дверью. Никого.

Она вышла из-за стойки, подошла к двери, выглянула наружу. Ни следов, ни звуков. Только снег, ветер и тишина. Мужчина исчез, словно его никогда не было. Она почувствовала, как по спине пробегает холод. Это не был страх — это было что-то другое. Ощущение, что она находится не в том месте и не в то время.

И в этот момент она услышала звук.

Рёв двигателя. Мощный, низкий, приближающийся. Свет фар ударил в лицо, выхватив из темноты её фуру и лес за ней. Алиса зажмурилась, прикрыла глаза рукой. Через секунду она увидела, как на стоянку, прямо к колонке, подъезжает белый MAN с красной полосой.

Точно такой же, как у неё.

Она смотрела, не веря своим глазам. Та же модель, тот же цвет, та же полоса. Даже номер — Р-068. Тот же номер. Она перевела взгляд на свою фуру — она стояла в двадцати метрах. И номер на ней был Р-068. Она перевела взгляд на подъехавшую фуру — номер был Р-068. Две одинаковые машины. С одинаковыми номерами.

Алиса вышла на улицу, чувствуя, как ветер бьёт в лицо, как снег залепляет глаза. Она подошла к подъехавшей фуре, заглянула в кабину. Никого. Двигатель работал, фары горели, но в салоне было пусто. Сиденье пустое, руль пустой, педали пустые. Как будто машина приехала сама.

Она обошла фуру, проверила номера — они были такими же, как у неё. Проверила царапины на крыле — те же царапины, что были у неё. Открыла дверцу — на сиденье лежало её водительское удостоверение. Она хватилась за карман — своего удостоверения не было. Она

смотрела на чужую фуру, потом на свою. На своей, на заднем бампере, висел её номер. Она подошла ближе — номер настоящий.

Тогда чья это фура?

Она повернулась к колонке. Внутри загорелся свет — ярче, чем раньше. Она побежала обратно, вбежала внутрь, остановилась у стойки. Тетрадь была закрыта. И на обложке, чёрным маркером, было написано её имя.

Она открыла тетрадь. Внутри были чистые страницы. Только одна запись — в самом начале. Её имя. И ниже, на следующей строке: «Ты уже знаешь правду. Не возвращайся на трассу. Он жив».

Алиса смотрела на эти слова, чувствуя, как воздух уходит из лёгких. «Он жив». Евгений. Её муж. Она знала это. Знала с того момента, как увидела его имя в списке без даты. Знала, когда держала его карту в руках. Знала, когда ехала по грунтовке. Он жив. Он инсценировал свою смерть. Он был здесь. Он знал эту тетрадь. И он знал, что она придёт.

Она стояла в пустой колонке, держа в руках тетрадь, и смотрела на свою фуру за окном. И на вторую фуру, точно такую же, стоящую рядом. Она не знала, что делать. Она не знала, что думать. Но она знала одно — она должна найти его. И она должна узнать правду.

Она сжала тетрадь в руках и вышла из колонки в метель.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.